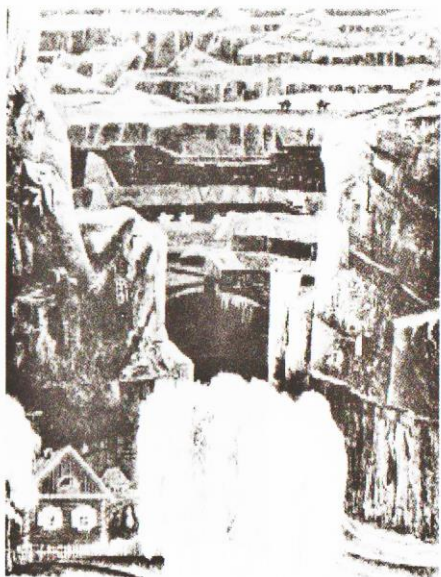

* * *

Была гора старым-стара,
глубинами веков зияла.
И эта самая гора
еще бы столько простояла.

Но человек принес тротил,
дремучих птиц на воздух поднял
И жизнь горы —
своей дополнил
и до своей укоротил.

ОБ УГЛЕГОРЕ

|

Замаячил вдали копер...
Гой ты, город мой Углегор!

И возник в черно-белых красках
он, кромсающий окоем,
распинающий на контрастах
представленье мое о нем.

Бойки праздники, как упряжки,
будни сцеплены в товарняк...
Возле звонкой многоэтажки
осовелый глухой барак.

Меж провалов и терриконов
неизбывные тополя.
За тычинками микрорайонов
колосющиеся поля.

Изрекут селу горожане,
из забоя попав на ток:
дескать, к слову сказать о грани,
мы в земле понимаем толк.

Не разъять, как и крыльев птицы,
слов: добыча и урожай...
Пылью угольной и пшеницей
пахнут волосы у горожан.

II

Что ни город — свои повадки.
В многолюдных — такая глушь!
Там соседям с одной площадки,
дела нет до соседских душ.

А у нас – не глаза, так уши
или чей-то пыливый нос.
Исповедуют ваши души,
не успеете крикнуть: «СОС!»

...Нынче в клубе не ждут артистов,
Старики тяжело молчат.
Чинно слушают атеистов
и тихонько крестят внучат.

А в кафе раздается: «Горько!..»
И по музыке – по реке
в пляске плещется – «Ты, Подгорна!...» –
лебедь – девочка в парике.

III

Горожане – под стать и норов,
но деревня его дала.
И в каком-нибудь из шахтеров
вякнет властно дитя села.

Призрак дедушкиного счастья...
И агукнет ему горняк:
– Разорвусь я теперь на части,
но отгрохаю особняк.

Нам приятен и дух бензина
и коровьего молока...
О гараж, где стоит машина,
будет живность чесать бока.

И останется в нашем плане
современней обставить дом...
Дескать, к слову сказать о грани,
не в деревне, поди, живем.
И замолкнет, свое итожа...

IV

Не подбить ли и мне итог?
В этом городе рос – и тоже
понимаю забой и ток.

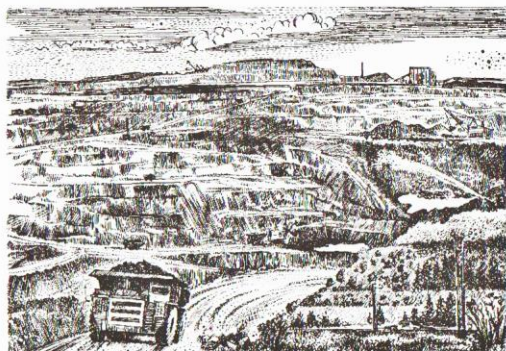
И расплачиваюсь строкой
деревенской и городской...
И вздохнет мой нескладный город:
– Что попишешь, и я такой...

• • •

Не напрасно за тобой вдогонку
торопился с клубных вечеров...
Сматывали ночь, как кинолентку,
блоки возникающих копров.

Падала звезда подбитой птахой
в город гулкий, как пустой бидон.
И густая мгла тревожно пахла
тополем, резиной и дождем,

Все струилось призрачным экраном.
Чуть мерцало локона кольцо.
И всю ночь стояло крупным планом
девочки загадочной лицо.

И.И. Филичев. В забой

И.И. Филичев. Династия шахтеров

* * *

Посылаешь ты за углем,
а идти за ним неохота.
Отрываюсь от «Дон Кихота»...
Говоришь: «Не греми ведром,
как доспехами твой идалго:
люди спят уже и так далее...
Полночь все-таки за углом»...
Усмехаясь, иду двором.

Прилипает к рукам замок.
Зажигаю свечу в сарае.
Посолиднее выбираю
и выкатываю комок.

В этом деле и я Левша:
под кувалдой комок по слою
обозначится полосой
и развалится неспеша.

Между тем прибежит сама
сотворенной в замётах жилкой,
сообщит, что у ней снежинкой
залучилась в груди зима.

Удивится: «Не снег – перо,
хоть сейчас набивай подушку»...

И, спохватываясь, ведро
помогает нести за дужку.

* * *

Пьют жадно газировку у киоска,
и капельки блестят на подбородках...

А каменщик крутой раствор, как масло,
намазывает вкусно на кирпич...

Грохочет где-то станция составами...

А под землей талантливый забойщик,
осилив гравитацию усталости,
выходит на сверхплановый предел.

А школьник напрягается у карты,
и снова деревянная указка
атомоходом взламывает льды.

И мать смеется вместе с малышом,
защекотав его лучом дыханья.

А в микромире делится белок...

И жизнь дана, чтоб все мы в этом мире –
от человека до последней клетки –
вязали ткань из света и тепла.

...Когда же утолю я эту жажду
и с подбородка капельку смахну?

ВОСПОМИНАНИЕ О СОСЕДЕ

Как заладил ухват в духовку,
словно в доме желанный гость...
Он сдирает с себя поддевку
и бросает ее на гвоздь.

Становясь на минуту смирным,
сын глазами ушел в отца.
Вымыв руки душистым мылом,
тот в охапку берет мальчика.

Вот сидит на заглавном месте:
– Мать, сверхплановую долей...
Умотался. Приносит в месяц
иногда по пятьсот рублей.

И везде ему выше пайка –
на работе ли он, в дому...
Государство или хозяйка
самый лучший кусок – ему.

НАПАРНИК

По штреку – не мальчик, не парень –
я в паре вагончик толкал.
Был впору недюжий напарник,
его жестковатый оскал.

Он злился: – Задали работку.
И тут же мы в голос: – Давай!
Кричал я: – Сюда бы лебёдку!
И разом опять: – Нажимай!

С породой... порожний... с породой...
За рейсом мучительный рейс.
Порой – хорошо хоть порожний –
вагончик соскакивал с рельс.

Уж славим его, ох, как славим!...
И чуть ли не в голос: – Давай!
На путь его истово ставим...
И разом опять: – Нажимай!

Какая уж там увлечённость!
А сила ещё не пришла...
Так вышло: ожесточённость
Напарником первая была.

Впрягался я в любое дело,
Да так, что трещали гужи...
И чувствовал: жестокостью тела
Становится жестокость души.

* * *

Поэзия работы!
Уж я не знаю ли
твое лицо, рябое
от пота и земли?

Поэзия, поэзия...
С искусством циркача
ловлю спиною песню я
полднего луча.

Мне рухнуть в сон распято,
чуть тронув хлеб да соль...
Играй, играй, лопата,
в тональности до-соль!

До соли... Сквозь хрипенье
прорвется крик: – Шабаш!..
Источник вдохновенья
в каких-то трех шагах.

Привез вторую бочку
смиранный наш Пегас...
Как перекур, так строчку
я выдавал про нас.

ТАЙГА

Не дают городку шахтерскому
поразмислить товарняки.
Едет лес, едет лес, которому
суждено пойти в горняки.

Ошкурив топорами игривыми,
в шахту спустят его налегке,
будут стойками и огнивами
на горняцком звать языке.

Обливается сердце кровью:
без смолистых стоят рубах,
вместо неба - душная кровля
на коробящихся горбах.

Безупречно безмолвны, жертвенны...
И от мысли я не сбегу,
что из шахт, как когда-то женщину,
надо б вывести и тайгу.

Как старухи, не могут горы
без соснового батога,
но боюсь, что, уйдя в шахтеры,
не вернется назад тайга.

Убежать бы хоть, что ли, в дебри,
схорониться там от тоски.
Где вы дебри?.. Падает небо,
небо падает на пеньки!

* * *

Я пресыщался не Монмартром,
попынно пахнувшим абсентом,
ни вместе с Жаном-Полем Сартром
и ни с Андреем Вознесенским.

Мой сотоварищ был татаринном,
пас лошадёнку меж обвалов.
И я, конечно, не был барином,
пас коровёнку меж обвалов.

Искал с кормилицею Зорькою
люцерну, клевер... Но бывало,
что молоко полынью горькою
невыносимо отдавало.

Глотала жадно камень чёрный
страна промышленных авралов.
Цеплялись мы с травой сорной
за радость жить среди обвалов.

И эту радость солнцу, сенцу,
тому, что живы и здоровы,
и отвращение к абсенту
впитали с молоком коровы.